

17 марта мы открыли новую рубрику «Интервью берет читатель». Начиная ее, редакция попросила вас назвать имена людей, с которыми вам бы хотелось встретиться на газетных страницах. Одновременно мы просили вас задать свои вопросы лауреату Ленинской премии, народному артисту СССР Михаилу Ульянову, имя которого уже было названо многими читателями. Буквально через несколько дней в редакцию стали приходить пачки писем. Вопросы к Михаилу Ульянову поступило очень много. Чтобы ответить на все, не хватало бы и четырех газетных полос. Поэтому для беседы с Михаилом Александровичем Ульяновым мы отобрали наиболее характерные, повторяющиеся во многих читательских письмах. От имени читателей беседу вел наш корреспондент Е. Гортинский.

— Михаил Александрович, во многих письмах идет речь о молодом человеке нашего времени. Рассуждая о воспитании характера, силе воли, безаварийности преданности своему делу, читатели нередко обращаются к Вашему Егору Трубинкову. Кое-кто ставит вопрос прямо: «Можно ли воспитать в себе такой характер, как у Трубинкова?»

— По-моему, с таким характером нужно родиться. По почему обязательно быть именно таким, как говорится, тютелька в тютельку? К идеалу нужно стремиться, привнося какие-то свои черты. Без идеала жить нельзя. Иначе неизбежен цинизм, раннее умирание, человек зацветает, как болото.

— Многие просят Вас назвать характерные черты современного человека.

— О положительных чертах нашей молодежи мы говорим часто и правильно. И, наверное, нет особой нужды повторяться. Мне бы хотелось поговорить о том, чего, на мой взгляд, не хватает современному молодому да и немалому человеку.

Идешь иной раз по улице и видишь: вот бежит ничего не замечаящий человек, стремительно движется к своей цели. Бежит, затурканный своими делами, своими удачами и неудачами. Бежит, не видя рядом другого человека. Бежит с холодными неменяющимися глазами. Как это ни странно, чем больше цель, тем глаза добрее, чем она мельче, низменнее, тем наглее глаза.

Может, в силу того, что я работал над картиной о добром человеке, может, потому, что эта тема продолжает волновать и сейчас, меня больше всего в жизни удивляет, и радует, и ошелошливает внимание, мягкость, доброжелательность, интеллигентность. Глаза, которые, несмотря на быстро летящее время и жизнь, умеют на мне остановиться, быть ко мне внимательными. Может быть, потому, что этого мне не хватает. Может быть, потому, что в своей суетной каждодневности мы подчас теряем многое из того, что человека делает Человеком.

Иногда я наблюдаю в молодежи сочетание взрослой трезвости, безграничной мечтательности и поразительной веры в силу науки. Мне приходилось, например, встречаться с молодыми физиками-теоретиками, которые как-то несколько высоко смотрят на искусство. Да, в наш век на первый план где-то вышла наука. Но нельзя так запросто отмахиваться от искусства. Человек должен быть гармоничен. Об этом нужно не только говорить, за это нужно и бороться.

— Михаил Александрович, наши читатели пишут о том, что созданные Вами образы — это образы всегда социально активные. «Ваше кредо выбора героя?» — спрашивают читатели.

— Видите ли, в чем дело. Жизнь идет, жизнь меняется, поворачивается к нам какими-то своими гранями. То одна грань нам дороже, то другая. Обращусь к своим героям — Трубинкову в «Председателе» и Ковалеву в «Самом последнем дне». Разные? Разные. Кто из них мне ближе, кто милее — это уже вопрос другой. Речь идет о том, что, скажем, десять лет назад мне думалось — Трубинков точнее выражал какие-то тенденции и запросы времени, зрителей и мой, разумеется, тоже как человека и гражданина. Ковалев, конечно, не воплощает в себе всех проблем сегодняшнего дня, но мой чаяния в какой-то мере выражает и удовлетворяет.

Потому нельзя сказать, что у меня есть какие-то определенные любимые черты человеческого характера и только их я желаю пропагандировать и проповедовать. Нет. Вот, например, генерал Чернота в «Бере». Это явно отрицательный герой. Но для меня это и человек с трагической судьбой. Он для меня не безразличен, как безразлична любая человеческая трагедия. Он во многом запутался, подобно Митеньке Карамазову, у которого есть прекрасные и есть страшные черты. Мы иногда несколько дистиллированно подходим к героям и героям. Уж очень часто у нас этот — хороший, этот — плохой, этот — добрый, этот — злой.

как к этому относиться так, вероятно, воспринимая и песню. Если я считаю, что так нельзя, я буду эту песню защищать. Если я считаю, что так нужно жить, что сейчас такое время, я буду против этой песни. Ведь действительно, люди становятся суше в силу гигантского, обрушивающегося на них потока информации, огромного количества обязанностей, стандартизации жизни. Винить их в этом или не оправдывать — зависит от нашего понимания происходящего.

Но я отвлекся. Всякое обращение актера к режиссуре выражает желание высказаться более широко, чем иногда позволяют те или иные роли. Через режиссуру есть возможность сказать чуть больше, чем даже через главную роль. И тогда актера не страшит тяжкий режиссерский путь.

— Выступая как-то по телевизору, Олег Ефремов сказал, что, для того чтобы понастоящему понять и полюбить театр, нужно в молодости увидеть что-то настоящее, спектакль, по которому в дальнейшем ты сможешь оценивать остальное. Для себя та-

героя определен песней или киносценарием. Были ли у Вас такие моменты, когда бы Вам хотелось поступить не так, как поступает герой, принять иное решение?»

— Всякий герой рождается через актерское «я». Разумеется, в обрисовке характера можно что-то изменить, не меняя слов. В этом и суть профессии актера. Если бы «Гамлета» можно было бы поставить только так, а не иначе, не было бы и стольких попыток по-новому осмыслить образ. Не было бы Гамлета — Пола Скоффилла, Гамлета — Смоктуновского, Гамлета — Высоцкого. Актер подчиняет характер и поступки героя своему «я», законам, что ли, того «монастыря», в котором живет в песе.

Передо мной отожествляются актер и образ, который он создает. После того, как я сыграл Ковалева, ко мне идут люди с нелегкими судьбами, и подчас я просто не в силах им помочь. С этой точки зрения, легче играть отрицательные роли. А вообще нельзя играть самого себя все время.

— В связи с этим, Михаил Александрович, вопрос, который интересует очень многих читателей: «Качества, необ-

Словом, партнер — великое дело. И чудо-ансамбль получается тогда, когда инструменты души настроены одним дирижером. Такая удивительная спевность в коллективе Г. А. Товстоногова. И в то же время там, как нигде, подчеркивается индивидуальность каждого.

— Следующий вопрос: «Сохранит ли театр свои позиции в современном обществе в связи с возрастающей конкуренцией кино и телевидения?»

— Зачем люди стремятся за город — в туристские походы, альпинистские лагеря? Зачем бегут от газовых и электрических плит к кострам, где варено пахнет дымом? Зачем людей тянет к каминам и тихому потрескивающим свечам? Человек устал от техники. От машины, выдыхающих бензиновый перегар, от рыка самолетов, от лага поездов. Человек стремится к природе, ко всему естественному. Япик телевизора никогда не заменит сцены. И человек, по моему, чем дальше, тем больше будет стремиться в театр, где на его глазах живут, любят и умирают настоящие актеры. Во всяком случае мне бы хотелось думать, что будет так.

— «В последнее время у нас, увы, повальщется немало серых фильмов. Разве артист, умный и талантливый, не понимает, что ему предлагают роль в пошловатой картине?»

— Знаете, ждать своей хорошей роли иногда просто не хватает сил. Это ни в коей мере не оправдание — это объективная реальность. Конечно, по мере сил ты стараешься не сниматься в плохой картине. Но хорошая роль, к сожалению, такая же редкость, как крупный алмаз. И не судите уж очень строго хороших актеров, когда они заняты в непопулярных вам картинах. Часто это не невзыскательность. Это — голод. Актер сам не удовлетворен бабочками-однодневками. По окончании съемок вместо радости им овладевает горечь усталости. Потратить год на съемки в картине, которая через два дня сойдет с экрана, — это и человеческая беда. Объективно, наверное, все-таки нельзя выпустить сто только хороших лент. Но сократить выпуск серых, мелкотемных, бездарных — хорошо бы. И надо думать об этом всевоз.

— Михаил Александрович, а вот даже не столько вопрос, сколько целое письмо-размышление. Его прислал в редакцию учитель Б. Востряков со станции Каргаполье Курганской области.

«Демонстрация двухсерийного фильма «Андрей Рублев» в нашем поселковом кинотеатре сорвалась, так как уже в конце первой серии зал опустел. В одиночку и группами зрители у нас уходили с таких

фильмов, как «Нороль Лир», «Преступление и наказание», «Загнанных лошадей пристрелили, не правда ли? И в то же время при переполненном зале по 4-5 раз идут такие картины, как «Маленький мушкетер», «Мое последнее танго», «Королева Шантале-ра». Может, действительно, как говорил лектор из общества «Знание», у нас очень низкий эстетический уровень сельского зрителя? Отсутствие должного интеллекта, преобладание эмоционального восприятия над логическим? Попросту говоря, матушка-провинция. Но ведь основной возраст зрителей от 14 до 30 лет. Это школьники, рабочие и колхозники, сельская интеллигенция. Ничего восьмилетнего образования почти нет. Специальность — полчища «Советского экрана». В их читательских формулярах записаны произведения Ф. Достоевского и А. Хуридина, М. Горького и Э. Хемингуэя. Почему же такой перепад вкусов в библиотеке и кино? Да, некоторые кинофильмы зрители считают подготовленными воспринимать труднее. Значит, нужно готовить и этому зрителю. Учить его смотреть кино так же, как учат читать книгу. Ведь не подменяют же в школе изучение произведений Л. Толстого творчеством другого, более «легкого» писателя. Учитель стремится довести до учащихся смысл, проблемы, или как-то «плавит». Наверное, это же мы должны делать и в отношении кинофильмов, должны направлять эстетические вкусы молодежи.

— Бесконечно горько читать такое письмо. И эта горечь не актерская, а гражданская. Люди уходят, не досмотрев до конца отличные кинокартины... И в то же время зал захвачен переживаниями дешевых, пустых мелодрам.

Нельзя подходить к искусству как к развлечению, как к забаве, как к отдыху. Умение воспринимать прекрасное само не рождается. Это умение нужно воспитывать. К музыке, живописи, театру нужно привыкнуть, чтобы они стали для человека не развлечением, а необходимостью. Нельзя смотреть на театр как на своеобразный диван для отдыха. Немыслимо, чтобы мир человека ограничивался лишь физикой или химией.

Но в письме учителя можно увидеть и другую сторону проблемы. Молодые люди, все чаще размышляющие о жизни, подчас не находят в кино ответа на те вопросы, которые их волнуют. И вообще перестают ходить как на работу, так и на хорошие картины. И это тоже волнует меня как человека и как художника.

— И, наконец, Михаил Александрович, традиционный вопрос, поставленный в доброй сотне писем: «Ваши планы на будущее?»

— Как правило, у актеров все постоянно меняется, ничего ясного до самого последнего дня. Именно поэтому, а не потому, что боюсь «сглазить», в последнее время я предпочитаю не говорить о своих планах. Хочется хороших ролей и в театре, и в кино.

ИНТЕРВЬЮ БЕРЕТ ЧИТАТЕЛЬ

ТЕАТР, КИНО, ЖИЗНЬ

На вопросы отвечает Михаил УЛЬЯНОВ

А ведь зрительный зал жадно внимателен к правде. К серьезной правде жизни. Его знание жизни непримиримое, неприкрашенное. Он судит о ней глубже, смелее, беспристрастнее, чем подчас мы со сцены. Это я знаю точно. Мне кажется, дело не в том, чтобы нарочито что-то уложить. Дело в том, чтобы еще и еще внимательнее всматриваться в жизнь. Где все вроде бы просто, понятно и где иногда очень трудно проследить корни того или иного явления.

Я бы сказал так: выбор героя зависит от времени и от меня как художника. Я говорю «как художника», ибо выбор героя от меня как актера не зависит.

— Этот вопрос я собирался задать где-то в конце нашей беседы. Но поскольку Вы подвели к нему речь, задаю сейчас. Многих читателей интересует, почему Вы пришли к режиссуре. Очевидно, в какой-то степени это зависит и от того, что Вы сейчас сказали о праве на выбор героя?

— Недавно в Театре Вахтангова мною поставлен спектакль «Ситуация». В этой пьесе Виктора Сергеевича Розова, помимо многих других проблем, поднимается и проблема зла. Разговор идет о том, что нельзя правды добиваться злобой. Нельзя, борясь за правду, терять человеческое лицо. Нельзя применять полные средства, сражаясь за светлые идеалы.

Проблема очень сложная. Пьеса только поднимает, а не решает ее.

Эта пьеса вызывает споры. Она вызывает к себе разное отношение. Одни говорят, что это придуманная ситуация, другие — что неверная, третьи — что ситуация правильная. Такие разговоры идут не потому, что пьеса удалась или не удалась. Розов — один из умнейших и тончайших наших драматургов. Речь идет о том, как относиться к жизни. Розова волнует ожесточение сегодняшнего человека. Назовем это не ожесточением, а рационалистичностью, сухостью. Как ни называй, суть остается та же. И

ким спектаклем он называет мхатовскую «Чайку». А у Вас в жизни был спектакль, который бы потряс, заставил поверить, что театр — величайшее из искусств?»

— Сейчас я более спокойно отношусь к плохим спектаклям. Не делаю далеко идущих выводов, как в юности, когда после плохого спектакля меня охватывало ощущение бессмысленности, ничтожности своей профессии. Но были в жизни спектакли, после которых я уходил счастливым, еще и еще раз уверовав в то, что искусство необходимо. Настоящее потрясение — мхатовский «Дядя Ваня» с Добронравовым и «Отелло» с Хоравой. Меня потрясли даже не столько спектакли, сколько исполнение заглавных ролей.

— «Чем Вы объясняете, что классика, например, тот же А. Н. Островский, сейчас пользуется таким успехом? Люди по несколько раз готовы ходить на эти спектакли, снова и снова смотреть их по телевизору. Чем они привлекают актеров и режиссеров?»

— Мне кажется, в классике все мы — и зрители, и актеры — ищем то, чего не хватает некоторым современным пьесам, — ответа на вопросы, волнующие нас сегодня. Ни один режиссер не обращается к Достоевскому или Толстому только потому, что это Достоевский или Толстой. Каждый находит в них свое. Критика любит писать о подобных постановках: это не весь Достоевский, это не весь Толстой. Да, не весь, а именно та часть его творчества, которая волнует режиссера.

В Театре на Малой Бронной идет спектакль «Брат Алеша». И это безусловно Достоевский, хотя взята лишь малая часть романа. В пьесе поднимаются нравственные проблемы, проблемы смысла жизни. Пусть современные драматурги не подумают, что я нашел предлог обрушиться на них с критикой. Но это факт, от которого никак не уйти. Все мы обращаемся к классике, чтобы найти в ней то, что нам необходимо сегодня.

— Но ведь, как пишет один из наших авторов, «характер

ходимые настоящему актеру?»

— Отвечу с удовольствием. Настоящий актер должен обладать богатырским здоровьем и чувствительностью камертона. Иметь терпение и открытое сердце. Горячо переживать все тревоги времени, в котором живет. Не впадать в отчаяние от провалов. Уметь яростно работать. И видеть в работе высшее счастье своей жизни. Именно в работе. Он должен не заискивать перед публикой, но подлаживаться под нее, а подчинять, вести ее за собой, по крайней мере, серьезно говорить с нею. Наконец, у настоящего актера обязательно должен быть талант, который либо рождается вместе с человеком, либо — нет. Тут уж ничего не поделаешь. Алмаз можно отшлифовать, превратить его в бриллиант. Кирпич, сколько ни шлифуй, так кирпичом и останется. Угадать талант заранее — дело почти невозможное. В данном случае я веду речь о своей профессии.

— «Что больше всего Вы цените в партнерах? С кем наиболее интересно работать?»

— Чем крупнее актер рядом, тем лучше играю и я. Чем глубже и своеобразнее он, тем глубже и я. В партнерах ценю прежде всего творческую отзывчивость. Она, как инструмент Страдивариуса, разносит звук, издаваемый смычком. Хороший партнер раскачивает твою мысль и отдает ее тебе обогащенной. На сцене хорош тот, кто поддерживает дуэт, трио, хор. Нет ничего ужаснее солистов.

Обожаю работать с Юлией Борисовой, великой труженицей нашего театра. У нее совершенно необычное чувство отзывчивости. С Юрием Яковлевым начинаешь как бы лучше петь, он дает тебе возможность варьировать, с ним не боишься выстрелить впустую. Евстигнеев не только отличный актер, но и отличный партнер. Он создает ощущение, что работает не на себя, а на тебя. Старые актеры рассказывают, что так работал Щукин. Лапиков обладал потрясающей правдивостью. Фальшивить рядом с ним невозможно.

В беседе принимали участие З. Абашадзе, студент (Тбилиси); И. Ансенова, школьница (Якутск); И. Баринюк, курсант (Омск); Д. Буримиченов (Москва); С. Вагайцев, курсант (Омск); И. Варзарь, аспирант (Киев); А. Власов (Саратов); семья Вишневых (Вологодская обл.); Гордеева (Мордовская АССР); Г. Горшеница (Иванов); А. Долгов, инженер (Москва); М. Дроздина, работница завода (Горьковская обл.); И. Духин, кандидат филологических наук (Краснодар); М. Загамуло, военный служащий; Л. Климова (Москва); Е. Князева, студентка (Москва); Я. Красовский (Черниговская обл.); В. Кулиев (Азербайджанская ССР); А. Кучумов, кандидат биологических наук (Москва); С. Лепихина (Удмуртская АССР); А. Ляпунов, преподаватель (Харьков); Ю. Максимова (С. Параны, Молдавская ССР); Малышева (Чарджоу, Туркменская ССР); З. Мальцева (Смоленская обл.); С. Мамедова (Алма-Ата); В. Маркелова (Симферополь); А. Матусевич (Минск); Р. Молодец (Смоленская обл.); Г. Меньшов, кандидат биологических наук (Астрахань); И. и М. Оганесян (Банку); В. Орел (С. Подорожное, Кировоградская обл.); Г. Папан (Ереван); Перевозчик (Новокузнецкий); Л. Перц (Магнитогорск); М. Подьяков (Пермская обл.); Л. Позднухов, полковник запаса (Ереван); Н. Попович (Киев); Ф. Прудникова (Крым); Н. Рудь (С. Стрижевка, Винницкая обл.); Ф. Рудь (Киев); Ю. Ткач, инженер (Москва); П. Самарин (Евпатория); А. Святенко (Чернигов); В. Страхова (Саратовская обл.); В. Сурменко (Немцевская обл.); В. Тихончук, моряк-балтиец (Кронштадт); Ю. Русанов, инженер (Ленинградская обл.); О. Улит (Челябинск); П. Устищенко, рабочий (Ленинградская обл.); И. Ушечкин (Бродно); А. Харуллин (Москва); Ц. Цатурова (Темиртау, Казахская ССР); А. Шабалина (Первоуральск); Ш. Шахмаева (Ташкент); Е. Шувалова (Горьковская обл.); А. Щербаков (Ташкент); И. Юркин (Владивосток); А. Ялов (Москва) и другие.

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Редакция благодарит всех, откликнувшихся на первую публикацию нашей рубрики. Мы внимательно ознакомились с вашими письмами. В них названо немало известных всей стране людей, у которых вам хотелось бы взять интервью. Среди них новаторы производства и ученые, писатели и дипломаты, актеры и авиаконструкторы, военачальники и космонавты.

На очередные встречи редакция пригласила Героя Социалистического Труда Николая Алексеевича ФЕНОМЕНОВА и народного поэта Дагестана Расула Гамзатовича ГАМЗАТОВА. Н. А. Феноменов был в рядах первых московских метростроителей, сражался в боях на фронтах Великой Отечественной войны, потерял обе руки, но снова вернулся на свое рабочее место. Стихи лауреата Ленинской премии Р. Гамзатова, его книга «Мой Дагестан» широко известны не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Ждем ваших вопросов к Н. А. Феноменову и Р. Гамзатову. На конверте делайте пометку: «Интервью берет читатель».